

ДЖОЗЕФ БЕН-ДЭВИД, РЕНДЕЛЛ КОЛЛИНЗ

Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии¹

Непрерывное расширение определенного поля научной деятельности обуславливается существованием научного сообщества, полностью посвящающего себя его исследованию. Поэтому наличия новой идеи, как точки отсчета, не достаточно для ее продолжительного развития в новой области; наряду с идеей должна быть создана и новая роль. В сфере научной психологии подобное сочетание было достигнуто в конце девятнадцатого века в Германии. В данной работе пример Германии приводится в качестве положительного случая, а пример Франции, Великобритании и Соединенных Штатов – в качестве отрицательного случая для демонстрации того, что появление такой новой роли было обусловлено рядом возможностей для студентов и практикующих специалистов-физиологов сделать академическую карьеру путем проникновения в другие научные области, а также в силу относительно низкой академической репутации спекулятивной философии и отсутствия у нее иммунитета от личностей и идей, обещавших превратить исследование психического мира человека в экспериментальную науку.

Суть проблемы

Развитие научных дисциплин, также как и развитие многих других феноменов, может быть изображено в виде s-образной кривой.² Оно начинается с длинного периода, восходящего к предыстории дисциплины, ко-

¹ Эта работа частично основывается на одном из тезисов докторской диссертации (М. А.) Ренделла Коллинза (Калифорнийский университет в Беркли, 1965). Авторы выражают свою признательность профессорам Дэвиду Кречу и Гарольду Виленски за их замечания и предложения, а также проекту сравнительного национального развития Калифорнийского университета в Беркли за финансовую поддержку.

² Derek de Solla Price, *Little Science, Big Science*, New York: Columbia University Press, 1963, pp. 1-32; Gerald Holton, "Scientific Research and Scholarship: Notes Towards the Design of Proper Scales," *Daedalus*, 91 (Spring, 1962), pp. 362-99.

торый состоит как из подъемов, так и из спадов, но не демонстрирует непрерывного роста; затем следует резкий всплеск, выражающийся в ускоренном росте; наконец, развитие замедляется, приближаясь к своей высшей точке.³ Эта закономерность сохраняется, независимо от того рассматривается ли рост числа публикаций, научных открытий или людей, занимающихся исследовательской деятельностью в данной области; ей вполне соответствует интуитивное представление, которое мы получаем, изучая историю развития различных дисциплин.

Подобный процесс в том виде, в каком он представлен при рассмотрении развития науки, схематически можно описать следующим образом. Одни идеи порождают другие идеи до тех пор, пока не наступает момент для возникновения новой, внутренне согласованной системы мышления и исследования. С этого момента система начинает жить своей собственной жизнью. Она рассматривается в качестве новой области науки, обретает, наконец, имя (например, химия или психология) и быстро развивается до состояния зрелости. Но на данном этапе вопрос о ее истоках остается открытым. Если бы дело заключалось лишь в порождении одними идеями других идей, то тогда развитие должно было бы начинаться с экспоненциальным ускорением (вплоть до достижения своей высшей точки) прямо с момента появления первой такой идеи. Поскольку этого не происходит, то следует полагать, либо что только некоторые идеи способны к порождению новых идей (тогда как все остальные остаются стерильными), либо что идеи сами себя не порождают и что для развития нового поколения идей даже из наиболее многообещающих из них нужны люди, которые транслировали бы их и находили бы им применение.

Согласно здравому смыслу, оба утверждения являются истинными. Не все исходные идеи способны породить новые идеи, а те, которые обладают большим потенциалом, зачастую могут забыться и не найти применения из-за отсутствия их эффективного обсуждения. Тем не менее, в истории науки внимание, как правило, уделялось только первому типу объяснения. Если определенная идея не имела никаких исторических следствий, то изучающий ее историк полностью уверен в том, что она в чем-то была неверна. И, наоборот, в случае, если малообещающая идея получает дальнейшее развитие, историк уверен, что в ней обязательно присутствовали скрытые преимущества, обусловившие последующий успех. Разумеется, ему не составит труда продемонстрировать задним числом правильность своего предчувствия.

В данной работе мы исследуем вторую альтернативу. Вместо того чтобы пытаться указать на внутренние качества, благодаря которым счита-

³ За этим может последовать еще одно ускорение роста, но, учитывая тему данной статьи, этой альтернативой можно пренебречь.

ется, что одна идея обладает потенциалом, а другая нет, мы зададимся вопросом о том, как стало возможным то, что в определенное время передача одних идей и исчезновение других приобрели поразительный размах. Вместо рассуждения о внутренней структуре интеллектуальной трансформации,⁴ мы сосредоточим внимание на механизмах окружающей среды, обуславливающих подобные трансформации. В частности мы утверждаем, что: (1) идеи, необходимые для создания новой дисциплины, обычно имеются в наличии в течение относительно длительного времени и в разных местах;⁵ (2) только некоторые из этих потенциальных точек отсчета находят последующее развитие; (3) такой рост возможен в определенном месте и в определенное время при условии, что людей в данной идее начинает интересовать не только ее интеллектуальная сущность, но и потенциальная возможность создать на ее основе новую интеллектуальную идентичность, а главное новый вид деятельности; (4) условия появления подобного интереса могут быть определены и использованы в качестве основы для последующего создания предсказывающей теории.

Случай психологии: начало ускоренного роста

Самые ранние начала психологии восходят к ее предыстории. В любом языке присутствуют объяснения человеческого мышления и поведения; с развитием философий они были сформулированы более абстрактно и систематически. Наконец, в девятнадцатом веке естественнонаучные методы были применены в данной области. Используя количество публикаций в сфере экспериментальной и физиологической психологии в качестве показателя роста современной научной психологии, мы увидим, что ускорение роста началось примерно в 1870 году, а где-то в 1890 году наступил период быстрого роста. (Таблица 1).⁶

⁴ Подобное рассуждение вовсе не является бесполезным. Его потенциальная полезность зависит от нахождения характеристик, определяющих то, какие идеи являются обещающими, а какие нет.

⁵ Это согласуется с часто наблюдаемым явлением многочисленных одновременных открытий в науке. См. Robert K. Merton, "Singletons and Multiples in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science," *Proceedings of the American Philosophical Society*, 105 (1961), pp. 471-486.

⁶ Эти публикации представляют не общее число отчетов по экспериментальным и физиологическим исследованиям в психологии, а скорее обзорные статьи, книги и работы, относящиеся к теории и методологии экспериментальной и физиологической психологии. Полные таблицы относительно отчетов об исследованиях за этот период недоступны; однако для наших целей данный список может оказаться даже более полезным, чем такие таблицы. Он представляет собой набор отдельных описаний научной работы в данной области; именно поэтому он гораздо лучше демонстрирует рост интереса к научной психологии, чем это сделало бы собрание исследований, которое в то время могло не рассматриваться, как имеющее важность для психологии.

Таблица 1. Количество публикаций трудов по экспериментальной и физиологической психологии, упорядоченных согласно национальной принадлежности и десятилетию с 1797 по 1896 гг.

Десятилетие	Национальная принадлежность					Итого
	Германия	Франция	Великобритания	США	Другие страны	
1797-1806	1	1	...	...	...	2
1807-1816	2	1	...	...	...	3
1817-1826	1	...	3	...	...	4
1827-1836	4	3	2	...	...	9
1837-1846	11	4	2	...	1	18
1847-1856	15	2	6	1	...	24
1857-1866	16	8	7	...	3	34
1867-1876	38	11	15	1	4	69
1877-1886	57	22	17	9	12	117
1887-1896	84	50	13	78	21	246

Источник: J. Mark Baldwin (ed.), Dictionary of Philosophy and Psychology, New York: Macmillan, 1905, vol. III, Part 2, pp. 950-64.

Место, где начался ускоренный рост, может быть обнаружено при сравнении показателей роста в различных странах. В случае психологии имеет место та же закономерность, что и с другими науками в девятнадцатом веке. Основное развитие происходит в Германии, в двадцатом веке оно продолжается в США и более скромно в Великобритании. В течение некоторого времени ускорение развития наблюдается и во Франции, но в самом начале двадцатого века производительность там падает (Таблица 2).

К тому же развитие во Франции, похоже, было изолировано от общего потока; редкость цитирования французских изданий в главных учебниках по психологии не соответствовала доле Франции в общем количестве публикаций. (Таблица 3).

Эти статистические данные будут объяснены. Поскольку условия, при которых создается нечто новое, не обязательно совпадают с условиями, при которых какое-либо новшество достигает необходимого признания в каком-либо другом месте, мы ограничимся объяснением начала роста, оставив анализ процессов распространения новой области для другого исследования.

Метод исследования

Изначально психология, понимаемая как область исследования, была разделена между спекулятивной философией и физиологией. Но к 1880 году основную часть работ в этой области стали представлять специализирован-

Таблица 2. Среднее число ежегодных публикаций по психологии, упорядоченных по языку, 1896-1955 гг.

Период	Немецкий	Английский			Французский	Др. языки	Итого
		Итого	США	Великобритания			
1896-1900	764	745	...	...	709	270	2494
1901-1905	1119	747	...	..	660	210	2781
1906-1910	1508	941	...	...	478	158	3185
1911-1915	1356	1090	...	...	376	160	2982
1916-1920	386	1639	...	...	159	191	2395
1921-1925	1163	1850	...	...	326	315	3653
1926-1930	1761	2654	...	...	428	913	5951
1931-1935	1362	3371	...	...	472	975	6376
1936-1940	1160	...	3238	328	299	747	6330
1941-1945	216	...	3411	296	72	299	4465
1946-1950	203	...	4257	346	246	560	5662
1951-1955	459	...	5955	557	502	572	8385

Источник: Samuel W. Fernberger, "Number of Psychological Publications in Different Languages," *American Journal of Psychology*, 30 (1917), 141-50; 39 (1926), 578-80; 49 (1936), 680-84; 59 (1946), 284-90; 69 (1956), 304-09.

ные публикации по психологии, и философская психология была во многих отношениях дискредитирована «новыми психологами».7 Такой рост производительности был связан с распространением среди психологов понимания психологии как отдельного поля исследования, и необходимости отмежевания их деятельности от традиционных областей. Обычно предполагается, что возникновение новой группы людей, посвящающих себя новой специальности, является следствием накопления нового знания. Наряду с накоплением знаний в определенной области возникает проблема неспособности объять его целиком, что с неизбежностью приводит к специализации. Мы же попытаемся показать, что новая научная идентичность может не только предшествовать, но и обуславливать рост научной производительности. По крайней мере, социальные факторы сыграли — независимо от фактора самих знаний — важную роль в развитии новой психологии.

Первым шагом будет установление личностей, сознательно рассматривавших самих себя как представителей новой науки, занимающихся исследованиями психических явлений с помощью таких эмпирических методов, как эксперимент, систематическое наблюдение и измерение (безотносительно к тому, называли ли они себя «психологами» или «экс-

⁷ Richard Müller-Freienfels, *Die Hauptrichtung der gegenwärtigen Psychologie*, Leipzig: Quelle & Meyer, 1929, pp. 3-6.

Таблица 3. Распределение ссылок на тексты по психологии в процентах по языкам

Текст	Языки				
	Итого	Английский	Немецкий	Французский	Другие
Лэдд, <i>Элементы физиологической психологии</i> , 1887.	100.0 (420)	21.1	70.0	7.4	0.5
Лэдд и Вудвортс, 2-е издание, 1911.	100.0 (581)	45.6	47.0	5.2	2.2
Вудвортс, <i>Экспериментальная психология</i> , 1911.	100.0 (1735)	70.9	24.5	3.1	1.5
Вудвортс и Шлосберг, 2-е издание, 1954.	100.0 (2359)	86.1	10.9	2.5	0.5

периментальными философами»). Для существования такой научной идентичности необходимо выполнение трех условий: (1) человек должен заниматься эмпирическим трудом в области психологии; (2) он не должен обладать иной четко установленной научной идентичностью, например такой, как физиология; (3) он должен быть членом активно действующей группы научных психологов, а не изолированным ученым.

Рассмотрим эти ограничения по порядку: (1) В первую очередь следует исключить таких спекулятивных философов, как Декарт, Локк, Хартли, Гербарт и даже Лотце, а также различных «социальных философов». Сколь бы велико ни было число созданных ими теорий, посвященных использованию эмпирических методов, этих философов нельзя причислить к научным психологам, если они в действительности эти методы не использовали. (2) Отсюда исключаются также те занимавшиеся естественнонаучными исследованиями ученые, чьи эксперименты можно ретроспективно отнести к психологии, но которые однозначно идентифицировали себя с естественными науками. Психиатры исключаются также: в рассматриваемый нами период времени они олицетворяли медицину, которая была вполне независимой от философии и, следовательно, от психологии дисциплиной. Кроме того, они осознанно основывали свои теории на постулатах медицины девятнадцатого века.⁸

(3) Наконец, нам необходимо провести операциональное различие между тремя категориями: *предшественники, основатели и последователи*.

⁸ Gregory Zilboorg, *A History of Medical Psychology*, New York: Norton, 1941, pp. 400, 411-12, 434-35, 441. В конце девятнадцатого века Брейер и Фрейд развивали психологическую психиатрию, но в последующие десятилетия между фрейдизмом и немецкой академической психологией не было никаких контактов (за исключением контактов самого негативного характера).

Критерием отличия первых от вторых является наличие у них учеников, ставших психологами. Примером предшественника может быть такой дилетант в науке, как Френсис Галтон. Эти люди сами не считали себя психологами, и их не считали таковыми их современники. Вообще говоря, они не были приобщены ни к одной научной дисциплине до тех пор, пока историки науки, созданной позже с участием других сил, не предложили им посмертную обитель в сфере психологии.

Люди, сами не являвшиеся учениками психологов, но которые в качестве психологов выработали свои собственные дисциплины, являются *основателями* психологии, как новой дисциплины. Их ученики считаются *последователями*. Представители последних двух классов могут в полном смысле считаться психологами. Фактор, которому мы дали название «ученичество» (*discipleship*), т. е. факт обучения у определенного человека или работы с ним в качестве ассистента является, как нам кажется, адекватным критерием существования осознанной само-сохраняющейся идентичности — «движения» или дисциплины. Использование чисто объективных критериев при установлении подобных линий преемственности имеет недостаток, заключающийся в том, что мы можем недооценить степень действительного влияния и идентификации, тогда как нашей целью является максимальная точность создаваемой общей картины.

Выбранные имена взяты из пяти учебников по истории психологии, включая те, которые были написаны в исследуемых нами странах.⁹ За период от 1800 до 1910 были учтены все имена немецких и американских ученых. После 1910 года число психологов в этих странах становится настолько большим, что вся литература по истории дисциплины является выборочной; кроме того, к этому времени научная психология в этих странах развивалась уже вторым и третьим поколением психологов. Относительно Великобритании и Франции, упомянуты все психологи за период с 1800 по 1940 год, поскольку их количество было гораздо меньшим, чем в Германии и Соединенных Штатах. В Великобритании и Франции научная психология появилась значительно позже, чем в США или Германии.¹⁰

⁹ Германия: Myller-Freienfels, *op. cit.*; Франция: Fernand-Lucian Mueller, *Historie de la Psychologie*, Paris: Payot, 1960; Великобритания: John C. Flugel, *A Hundred Years of Psychology*, 2nd edition, London: Duckworth, 1951; Соединенные Штаты: Edwin G. Boring, *A History of Experimental Psychology*, 2nd ed., New York: Appleton-Century-Crofts, 1950; Robert I. Watson, *The Great Psychologists*, Philadelphia: Lippincot, 1963. Россия в данном анализе не рассматривалась. До последнего времени ее вклад в психологическую литературу был очень малым; а такие все великие русские новаторы как Сеченов, Павлов и Бехтерев, были физиологами и, следовательно, были исключены из числа психологов. Они являются хорошим примером людей, чьи достижения смогли быть интегрированными в научную психологию, только благодаря более поздним процессам в других странах, создавшим саму эту дисциплину.

¹⁰ Информация о биографиях и карьерах была взята из вышеуказанных пяти работ по истории психологии (особенно из книги Боринга), а также из: Mollie D. Boring and Edwin G.

Результаты

На рисунках 1-4 в генеалогической форме приведены имена научных психологов для каждой страны.¹¹ Из истории немецкой психологии девятнадцатого века пришлось исключить большое количество физиологов и философов, среди которых было много выдающихся исследователей данной области. Относительно Германии наша выборка состоит из 32 имен, пять из которых не имели предшественников (рисунок 1). На рисунке не упомянуты два имени. Густав Фехнер обладает всеми необходимыми характеристиками, кроме одной: у него не было школы последователей, несмотря на то, что он, как будет видно ниже, оказал влияние на некоторых основателей. Его скорее можно считать предшественником, чем основателем, поскольку нельзя сказать, что созданная им психофизика была развита в экспериментальную психологию, как дисциплину без посредства появившегося позже институционально-основанного движения.¹² Карл Гроос появился слишком поздно, чтобы его можно было причислить к бесспорным разработчикам дисциплины, поскольку он габилитировался в 1889 году, через девять лет после Эббингауза, который является самым поздним из основателей. Грооса также нельзя рассматривать в качестве основателя, поскольку он у него не было последователей. Таким образом,

Boring, «Masters and Pupils among American Psychologists,» *American Journal of Psychology*, 61, (1948) 527-34; Carl Murchison (ed.), *A History of Psychology in Autobiography*, Vols. I-IV, Worcester, Massachusetts: Clark University Press, 1930-1952; Carl Murchison (ed.), *Psychological Register*, Vols. II and III, Worcester, Massachusetts: Clark University Press, 1929-1933; *Minerva: Jahrbuch der Gelehrten Welt*, Leipzig: 1892. К «Германии» также относятся Австрия и немецкоязычные университеты в Швейцарии и Центральной Европе; к «Франции» также относятся франкоговорящая Швейцария и Бельгия.

¹¹ Разумеется, на этих схемах не представлены все научные психологи того периода: быть может, у упомянутых ученых и были последователи, но они не были упомянуты в использованных для данной работы источниках. Тем не менее, мы считаем, что обоснованно используем подобный метод рассмотрения развития дисциплины, поскольку известность личностей, сформировавших данное движение, является важным фактором, обуславливающим его существование.

¹² Фехнер был отчужденным (retired) физиком, посвятившим многие годы написанию пантеистических и антиматериалистических философских работ. Его труды не имели успеха, вследствие распространившейся к середине девятнадцатого века реакции на идеализм. В 1850 он принялся за исследование экспериментов Э. Г. Вебера по тактильной и мускульной чувствительности с целью установления математических законов восприятия. Однако это исследование было неотъемлемой частью пантеистической системы Фехнера; с помощью законов психофизики он намеревался наглядно доказать, что сознание (mind) и материя являются двумя сторонами одного общего целого, и что весь физический мир состоит из душ, связанных друг с другом посредством физических тел. См. Robert I. Watson, *The Great Psychologists*, Philadelphia: Lippincott, 1963, p. 215, and E. G. Boring, «Fechner: Inadvertent Founder of Psychophysics,» in E. G. Boring, *History, Psychology, and Science: Selected Papers*, New York: Wiley, 1963, pp. 126-131.

подлинными основателями научной психологии в Германии можно считать только пятерых ученых, а именно: Вильгельма Вундта, Франца Брендано, Г. Э. Мюллера, Карла Штумпфа и Германа Эббингауза.

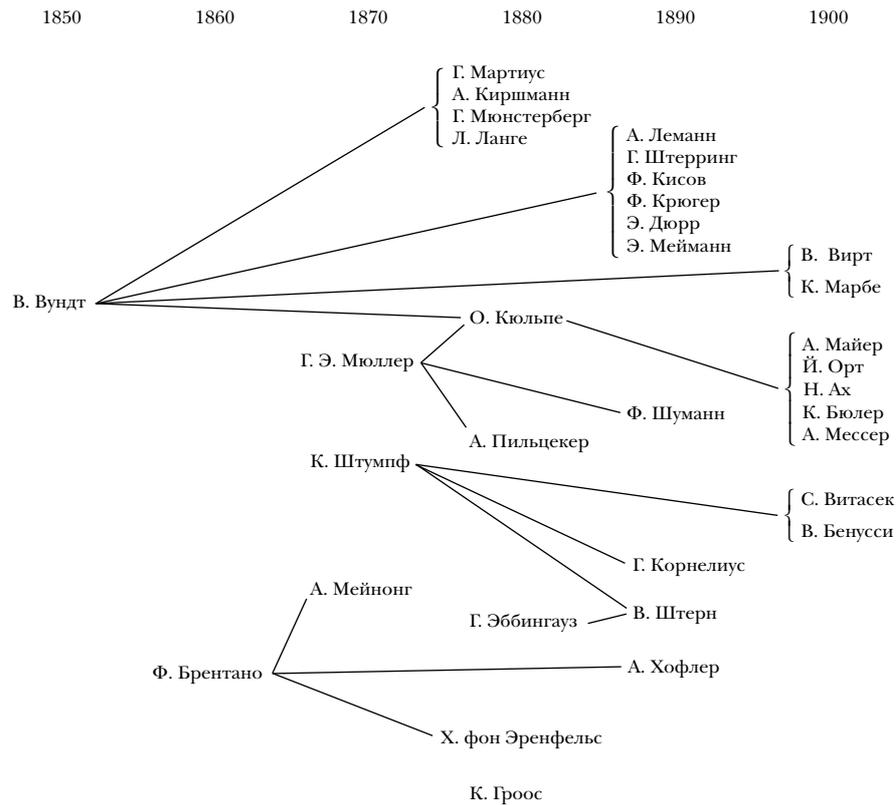

Рис. 1. Основатели и последователи среди немецких экспериментальных психологов в порядке защиты диссертации с 1850 по 1909 гг. (с шагом в десять лет).

Из числа британских психологов нами были исключены биологи К. Ллойд Морган и Джордж Романес, а также статистик Карл Пирсон. Также не упоминается Френсис Галтон, оказавший влияние на развитие в Великобритании психологических исследований, но занимавшийся также географическими исследованиями, химией, фотографией и статистикой и к тому же не оставивший после себя школы психологии. Таким образом, британская психология составлена из 9 представителей, которые в подав-

ляющем большинстве опирались на работы немецких основателей, Вундта и Мюллера (рисунок 2). Исключениями являются не указанный на рисунке Д. Г. Томпсон, защитивший в 1906 году диссертацию в Страсбургском университете (входившим в то время в число германских университетов), а также У. Х. Р. Риверс, обучавшийся вместе с Эвальдом Герингом, физиологом, тесно связанным с «новой психологией» в Германии. Но к 1890-м годам в Германии невозможно было обучаться в университете и не знать о подобных новых разработках, поэтому в области психологии Риверса нельзя назвать изобретателем экспериментальных методов.

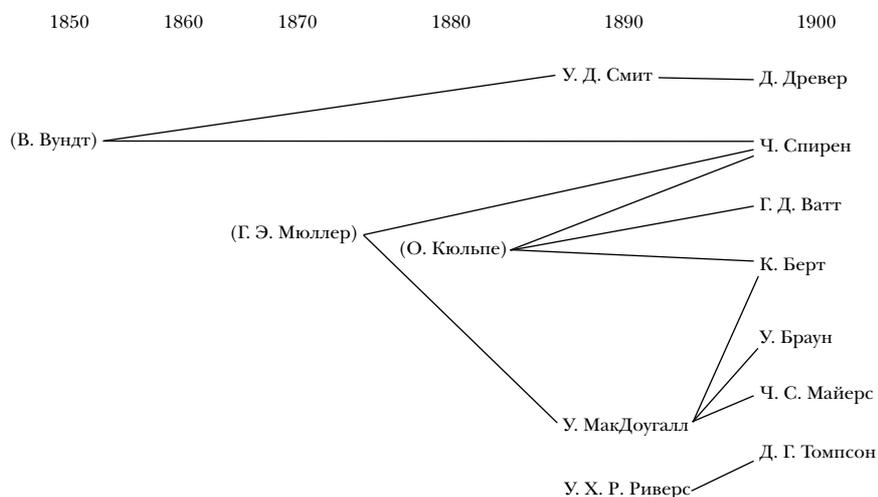

Рис. 2. Основатели и последователи среди британских экспериментальных психологов в порядке получения высшей ученой степени с 1850 по 1909 гг. (с шагом в десять лет).

Список французских психологов, после исключения многочисленных психиатров, некоторых физиологов и биологов, сводится к десяти именам (рисунок 3). Среди них влияние Вундта просматривается на двух представителях Швейцарской школы; еще один французский психолог, Виктор Анри, работал вместе с Мюллером, хотя до него он также работал с Альфредом Бине. Учеными, не испытавшими чьего-либо влияния, были Теодул-Арманд Рибо, Анри Бони и Пьер Жане. Рибо нельзя рассматривать как значительного новатора, поскольку он сделал себе репутацию, публикуя труды немецких психологов, за что и получил в 1889 году первую во Франции кафедру экспериментальной психологии; но в действительности он всегда оставался спекулятивным философом. Бони был фи-

зиологом, основавшим в том же году первую во Франции психологическую лабораторию; также как и Рибо, Бони сложно приписать роль независимого новатора, поскольку к тому времени в Германии и США уже в течение целого десятилетия делались лабораторные открытия. Жане был доктором медицины, унаследовавшим в 1902 году кафедру Рибо в Коллеж де Франс, однако изначально он был психиатром, не прекращавшим частную практику на протяжении всей своей карьеры.

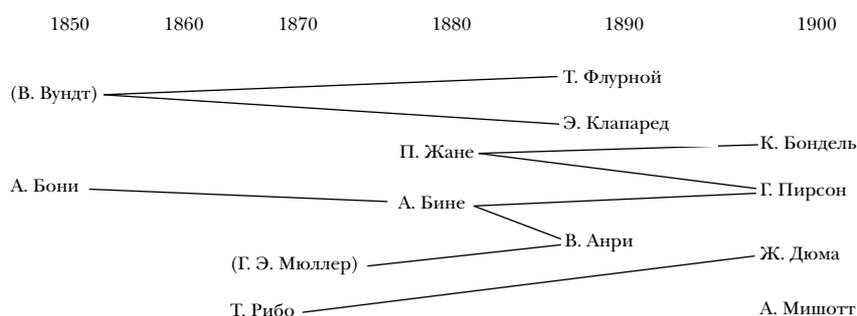

Рис. 2. Основатели и последователи среди французских экспериментальных психологов в порядке получения высшей ученой степени с 1850 по 1909 гг. (с шагом в десять лет).

Таким образом, можно сказать, что среди психологов во Франции был ряд исследователей, непосредственно не опиравшихся на немецких психологов. Некоторые из них испытали явное влияние со стороны немцев, другие же развивали собственные идеи. Если бы этих идей было бы достаточно много, французская школа смогла бы составить конкуренцию немецкой школе. Но французское развитие психологии отличалось от немецкого тем, что оно не было непрерывным. У Рибо и Бони было по одному значимому последователю, у Жане их было два. Такое относительное отсутствие преемственности обуславливалось отсутствием интереса к созданию новых ролей на основе новых идей. Как станет видно ниже, люди, работавшие в этой новой сфере, не имели ничего против того, чтобы оставаться философами, психиатрами или учеными интеллектуалами широкого профиля, которые, как, например, Бине, часто интересовались нахождением научного разрешения какой-нибудь практической проблемы. Они не были заинтересованы в создании согласованной и систематичной «парадигмы» и передаче ее следующему поколению.¹³

¹³ В Thomas S. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions*, Chicago: University of Chicago Press, 1963, см. рассуждение о том, как возможен кумулятивный прогресс в науках, если они объедине-

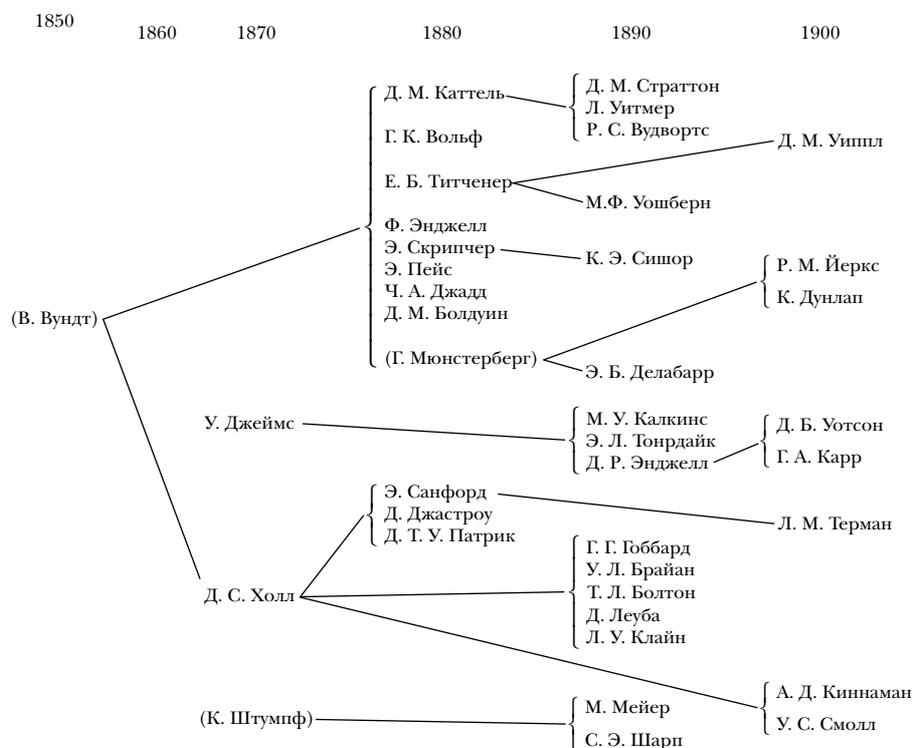

Рис. 4. Основатели и последователи среди американских экспериментальных психологов в порядке получения высшей научной степени с 1850 по 1909 гг. (с шагом в десять лет).

Наконец, касательно Соединенных Штатов, почти все исключенные фигуры являлись спекулятивными философами, такими как Джордж Т. Лэдд и Джон Дьюи. В учебниках по истории психологии очень редко упоминаются американские физиологи или представители других естественных наук. Оставшиеся 37 человек, представленные на рисунке 4, в своем подавляющем большинстве испытали влияние со стороны основателей немецкой

ны вокруг определенной «парадигмы» или модели научной реальности, с соответствующей методологией и направлениями исследования. Разумеется, можно утверждать, что психология даже на сегодняшний день лишена общего консенсуса относительно такой центральной, определяющей реальность теории, какую Кун имеет в виду под термином «парадигма», и что этот термин следует использовать только для таких областей, как физика, имеющих подобную теорию. Здесь мы использовали этот термин в более общем смысле, чтобы продемонстрировать, что для новой дисциплины необходимо хотя бы минимальное согласие относительно границ поля исследования, на котором будут сосредоточивать свое внимание ее различные представители, а также относительно перечня исследовательских методов.

психологии, в особенности со стороны Вундта. Единственным не имеющим предшественников американцем был Уильям Джеймс, который изначально был физиологом, основавшим в 1875 году в Гарварде маленькую демонстрационную лабораторию и впоследствии утверждавшим, что она была первой в мире психологической лабораторией. В 1885 году он стал профессором философии в Гарварде и изменил свое звание на профессора психологии лишь в 1889. В лице Джеймса Америка подошла ближе всего к созданию собственного направления в психологии, но его работы по большей части представляли собой экспозицию европейских идей и открытий (готовясь к преподаванию физиологии, он в 1869 году посетил Германию); что касается самого Джеймса, то он серьезно заинтересовался философией как раз в то время, когда в Америке началось развитие экспериментальной психологии. (Все основные философские работы Джеймса появились после 1897 года, когда он восстановил свое звание профессора философии.) Практически все представители первого поколения американских экспериментальных психологов были учениками Вундта, включая Д. Стенли Холла, защищавшего диссертацию не у Вундта. В 1881 году Холл, вернувшись от немецких психологов, основал первую в США действующую психологическую лабораторию, давшую начало линии последующих поколений. Пересаженная с немецкой почвы экспериментальная психология внезапно заявила о себе в Соединенных Штатах без какого-либо важного участия со стороны американских философов или представителей естественных наук.

Таким образом, ключевые условия для возникновения экспериментальной психологии следует искать именно в Германии. Идеи, способные дать начало кумулятивной традиции, можно было найти и за пределами Германии. К концу девятнадцатого века Франция, также будучи центром подобных идей, по сути, соперничала с Германией. Но, как показано в таблице 2, продуктивность во Франции, достигнув своего пика примерно в 1900 году, начала быстро снижаться, тогда как число работ в Германии, Америке и, в меньшей степени, Великобритании продолжало расти. Рисунки 1-4 демонстрируют, что автономная система для постоянной передачи и принятия новых идей существовала только в Германии. Впоследствии Соединенные Штаты, а еще позже и Великобритания, стали частью этой системы, центром которой, в конечном счете, стали США. Франция только отчасти прикнула к этой системе и не смогла развить свою собственную. Ввиду отсутствия такой системы, открытия оставались изолированными событиями; только наличие соответствующей системы могло бы способствовать их кумулятивному развитию.¹⁴

¹⁴ Еще одним показателем слабости французской системы является относительно высокий «уровень смертности» среди французских психологических журналов. В период с 1850 по 1950, было закрыто 70 процентов психологических журналов, издание которых было начато во Франции за это время, тогда как в США было закрыто 50 процентов, в Гер-

В данной работе мы не будем рассматривать всю историю создания и распада систем коммуникации в каждой отдельной стране, а ограничимся исходным образованием немецкой системы. Поэтому все остальные страны будут рассматриваться как отрицательные примеры, тогда как Германия будет единственным положительным случаем. Нам предстоит ответить на следующий вопрос: почему именно в Германии развилась эффективная система коммуникации для этих новых идей?

Гибридизация ролей

Ответом служит то обстоятельство, что только в Германии существовали условия для создания новых разновидностей профессиональных ролей, занимающихся работой в новой области. Идеи, не исследуемые людьми, полностью посвящающих себя этому занятию, подобны душам, которые бродят в мифологическом лимбе до того как обретут тело. Они могут осенить любого человека во время сна или в воображении, независимо от того, где он живет и является ли нашим современником или потомком, которому предстоит родиться через тысячу лет. Но если идеи превращаются в конечные продукты научных ролей, то их можно уже сравнивать с генами, передающимися от поколения к поколению посредством надежного естественного процесса; в обычных условиях развития этого процесса идеи не только выживают, но и разрастаются.

Новые разновидности научных ролей возникают несколькими способами. В нашем случае мы имеем дело с гибридизацией ролей, т. е. ситуацией, когда индивид, переходящий от одной роли к другой, например, меняющий одну профессию или академическую область на другую, хотя бы недолго находится в ситуации ролевого конфликта.¹⁵ Этот конфликт

мании – 51 процент (за период до 1934 года, без учета запретов, связанных с периодом нацизма), в Великобритании – 21 процент. См. Robert S. Daniel and Chauncey M. Louttit, *Professional Problems in Psychology*, New York: Prentice-Hall, 1953, pp. 25, 358-74.

¹⁵ Joseph Ben-David, «Roles and Innovations in Medicine,» *American Journal of Sociology*, 65 (1960), pp. 557-68. John T. Gullahorn and Jeanne E. Gullahorn, «Role Conflict and its Resolution,» *Sociological Quarterly*, 4 (1963), pp. 32-48. Эти авторы различают два вида конфликта ролей: «конфликт ролей, порожденный статусом» (status-produced role conflict), при котором относительно человека, занимающего определенное статусное положение, люди, с которыми он имеет дело, имеют различные и несовместимые ожидания, и «случайный конфликт ролей» (contingent role conflict), при котором возникающие разногласия являются следствием одновременного нахождения человека в двух статусах. Большинство дискуссий в соответствующей литературе было посвящено конфликтам первого типа, например: Robert K. Merton, «The Role-Set: Problems in Sociological Theory,» *British Journal of Sociology*, 8 (1957), pp. 106-120; а также Neal Gross, Ward S. Mason, and Alexander W. MacEachern, *Explorations in Role Analysis*, New York: Wiley & Sons, 1958. Мы же вводим третий вид конфликта ролей, получаемый в результате мобильности, а не описанных выше «статических» ситуаций. См. Peter M. Blau, «Social Mobility and Interpersonal Relations,» *American*

может быть разрешен через отказ от воззрений и поведения, свойственных старой роли, и принятие воззрений и поведения, соответствующих новой роли; в случае такого отказа следует также перестать идентифицировать себя со старой реферативной группой. Тем не менее, человек не всегда хочет отказываться от идентификации со старой школой, поскольку она может обладать более высоким интеллектуальным или даже социальным статусом, чем новая. В таком случае он может попытаться разрешить конфликт посредством инновации, т. е. прилаживания к материалу новой роли методов и технических приемов, свойственных старой роли, с намерением создать новую роль.

Примером научной роли, созданной таким образом, является психоанализ, который был основан человеком, сменившим престижную профессию, связанную с научными исследованиями, на занятие со сравнительно более низким в Германии статусом, т. е. на медицину; Фрейд пытался поддержать свой статус через возвышение медицинской практики до уровня научного исследования, в результате чего был создан психоанализ. Сходным образом Пастер дал толчок для развития бактериологии через стремление поддержать свои теоретические воззрения после перехода к исследованию брожения вина и развил свое открытие в новую специальность.

Мобильность ученых между разными областями науки достигается, когда шансы на успех (т. е. обретение признания, получение кафедры в сравнительно раннем возрасте, возможность сделать выдающийся вклад) в одной дисциплине невелики, вследствие переполненности научной области исследователями при фиксированном количестве должностей. В такой ситуации многие исследователи предпочитают перейти в новые соседние области, где условия конкуренции будут лучше. В некоторых случаях это будет означать необходимость перейти в область, обладающую меньшим статусом, чем исходная.¹⁶ Так создаются условия для конфликта ролей. Разумеется, не каждый человек в подобной ситуации согласится или будет способным на создание новой роли, причем также невозможно предсказать, какие именно ученые на это отважатся. Тем не менее, с уверенностью можно сказать, что шансы на подобную фундаментальную инновацию у дисциплины, в которую прибывают ученые из бо-

Sociological Review, 21 (1956), pp. 290-95. Обсуждение того, почему ученые предпочитают идентифицироваться с традиционной дисциплиной гораздо чаще, чем с какой-нибудь новой и не завоевавшей престижа специальностью, см. в: Warren O. Hagstrom, *The Scientific Community*, New York: Basic Books, 1965, pp. 53, 209.

¹⁶ Для ученого или исследователя проблема заключается не просто в социальном статусе и престиже, а скорее в эффективности научной области, в возможности достичь в ней прогресса, с точки зрения его собственных интеллектуальных критериев. Для теоретического описания науки как формы социальной организации, в которой конкуренция за признание со стороны группы коллег является основным механизмом контроля см. *Hagstrom, op. cit.*, pp. 9-104; также см. на стр. 208-220 общее обсуждение дисциплинарных различий.

лее статусной дисциплины, гораздо выше, чем у дисциплины, на которую такая мобильность не распространяется, или дисциплины, обладающей более высоким статусом, чем та, из которой происходит перемещение. Например, если физиология имеет более высокое положение в академической системе, чем философия, но конкурентные условия в последней лучше, то можно ожидать порождения новых ролей, при котором физиологические методы будут применены к материалу философии (в смежной для двух дисциплин области, т. е. в психологии) с тем, чтобы отличить новатора от традиционных представителей менее статусной дисциплины. Подобное вряд ли бы произошло, если бы статус философии соответствовал статусу физиологии или был более высоким, или если бы условия конкуренции в философии были одинаковыми или худшими по сравнению с условиями конкуренции в физиологии.

Более того, поскольку масштабное академическое новшество имеет шанс на успех, только если ему удастся привлечь существенное количество последователей, одного человека, столкнувшегося с ситуацией конфликта ролей, как правило, бывает не достаточно (исключением здесь, пожалуй, являются случаи открытий с поразительным диапазоном применения, например, бактериология). Для того чтобы обеспечить инновации необходимое воздействие, нужны соответствующие условия общего характера. Как человек, который присоединяется к подобному движению, так и тот, кто его основывает, имеют общую мотивацию, заключающуюся в том, что при переходе в дисциплину с более низким статусом, они стремятся с помощью инновации повысить свой собственный статус. Более того, существование подобных отношений между дисциплинами может оказать воздействие на людей внутри системы, которые не пришли в данную дисциплину из другого направления с более высоким статусом. Например, молодые специалисты в менее статусной дисциплине могут попытаться обрести признание, заимствуя методы из более статусной области. Для них самым простым способом добиться признания является переход в иную исследовательскую область, но от такого шага их удерживают выгодные условия конкуренции в их дисциплине. Даже если сами они не привносят новшеств, то, тем не менее, они могут оказаться восприимчивыми к инновации, предлагаемой «мигрирующим» ученым. Новая гибридная роль может привлечь даже молодых специалистов, еще не выбравших исследовательскую область, но уже знающих о факторе престижа и условиях конкуренции.

Важно отличать гибридизацию ролей от так называемой гибридизации идей, т. е. нового интеллектуального синтеза, состоящего из идей, взятых из разных областей. Гибридизация идей не приводит к новым академическим или профессиональным ролям и не дает начало согласованному и непрерывному движению, представляющему собой традицию.

Предшественники современной психологии, начиная с Декарта, исследовали психологическое функционирование с позиций физиологии,

но они не породили движения, которое бы развило эти идеи, подобно тому, как это происходило в других науках. Нечто похожее было осуществлено британскими ассоцианистами, начиная с Джона Локка и Давида Хартли вплоть до Александра Бейна, Джеймса Уорда и Джеймса Салли в конце девятнадцатого века, но их теории не породили длительной научной традиции. Среди немецких исследователей к этой категории относятся Герbart и Лотце, а также Фехнер, который в 1850-х годах через психофизику ввел в философскую психологию экспериментальный метод, но не создал какого-либо движения, изменившего роль психолога-философа. Галтона в Англии и таких людей, как Рибо, Бони и Бине, во Франции следует рассматривать скорее как создателей «гибридных идей», а не «гибридных ролей»; вместо создания новой роли они просто добавили новый аспект к уже устоявшейся роли всесторонне развитого интеллектуала, существовавшей в этих странах с семнадцатого века. Наконец, американец Уильям Джеймс также попадет в категорию людей, создавших «гибридную идею», особенно потому, что он, в конечном счете, предпочел традиционную роль философа, а не новую роль научного психолога.

Позитивный случай

В немецких университетах девятнадцатого века физиология была в высшей степени продуктивной и быстро распространяющейся наукой. Один из пиков ее продуктивности приходится на период между 1850-м и 1870-м годом, когда большинство кафедр физиологии отделилось от кафедр анатомии. Между 1850 и 1864 гг. было создано пятнадцать кафедр. После этой даты физиология быстро достигла уровня наличия одной кафедры в университете в системе, состоящей из 19 университетов до 1870 и 20 университетов после 1870.¹⁷ На таблице 4 показано, что количество кафедр физиологии, примерно в два раза уступавшее количеству кафедр философии, увеличилось лишь на две кафедры за период с 1873 по 1910, тогда как количество кафедр философии, тогда уже доминировавших в университетах, увеличилось на восемь. Количество же экстраординарных профессоров и приват-доцентов в области физиологии увеличивалось гораздо быстрее, чем в философии. Эти должности были почетными, но плохо оплачивались; их число указывает на наличие в этих областях конкуренции за звание полного (ординарного) профессора, которое было самым желанным. Особенно сложным было продвижение в физиологии, поскольку большее количество кафедр было создано примерно в одно время и распределено между людьми примерно одного возраста, ко-

¹⁷ Awraham Zloczower, *Career Opportunities and the Growth of Scientific Discovery in Nineteenth Century Germany with Special Reference to Physiology*, неопубликованная тема докторской диссертации, департамент социологии, Еврейский Университет, 1960.

Таблица 4. Количество академических должностей по философии и физиологии в немецкой университетской системе, 1864-1938 гг.

Область и академическая должность	1864	1873	1880	1890	1900	1910	1920	1931	1938
<i>Философия</i>									
Ординарный профессор	36	40	43	44	42	48	56	56	36
Экстраординарный профессор	21	16	12	14	14	23	30	51	34
Доценты	23	21	18	19	25	43	45	32	21
Итого	81	79	75	81	85	117	140	163	117
<i>Физиология</i>									
Ординарный профессор	15	19	20	20	20	21	24	27	21
Экстраординарный профессор	3	3	4	66	9	12	15	24	18
Доценты	9	1	2	7	20	24	22	23	15
Итого	27	23	27	33	49	61	66	80	67

Примечание: в немецкой университетской системе звание ординарного профессора соответствует профессору, имеющему докторскую степень (Full Professor), звание экстраординарного профессора соответствует адъюнкт-профессору (Associate Professor). Доценты являются частными лекторами. *Источник:* Christian von Ferber, *Die Entwicklung des Lehrkörpers der deutschen Universitäten und Hochschulen*, 1864-1954, vol. III in Helmut Plessner (ed.), *Untersuchungen zur Lage der deutschen Hochschullehrer*, Göttingen: Vandenhoeck, 1953-56, pp. 204, 207.

торые занимали их в течение десятилетий.¹⁸ На таблице 5 показано, что в 1850-х гг. шансы на получение профессорской должности среди специалистов, габилитировавшихся в медицинских науках, были гораздо выше, чем среди исследователей в философских дисциплинах. Однако в следующем десятилетии ситуация полностью изменилась, и сравнительно малая конкуренция в медицинских науках стабильно увеличивалась до конца века. В период с 1860 года философия, бесспорно, имела гораздо более выгодные условия конкуренции, чем физиология. Таким образом, было создано первое условие для возможности гибридизации ролей.

Второе условие было результатом направления, в котором развивался конфликт относительно престижности между философией и естественными науками в Германии на протяжении девятнадцатого века. До 1830 года великие идеалистические системы отстаивали статус философии как сверх-науки, выводя из размышления все, что могло бы с большим трудом быть добыто эмпирическими методами. Но эти претензии были

¹⁸ *Ibid.*

Таблица 4. Количество академических должностей по философии и физиологии в немецкой университетской системе, 1864-1938 гг.

Год и факультет	Должность			Итого	Процент остающихся доцентов
	Ординарные профессора	Экстраординарные профессора	Приват-доценты		
<i>1850-59</i>					
Медицинский	57	19	15	91	16.5
Философский	53	13	15	83	18.1
<i>1860-69</i>					
Медицинский	72	44	37	153	24.2
Философский	68	24	22	114	19.3
<i>1870-79</i>					
Медицинский	94	74	53	221	24.0
Философский	138	24	26	188	13.8
<i>1880-89</i>					
Медицинский	89	59	64	212	30.2
Философский	118	25	36	179	20.1
<i>1890-99</i>					
Медицинский	131	57	138	326	42.3
Философский	162	33	66	261	25.3
<i>1900-09</i>					
Медицинский	184	48	249	481	51.8
Философский	142	25	75	242	31.0

Источник: von Ferber, *op. cit.*, p. 81.

разбиты быстрым распространением естественных наук, сначала возглавляемым химиками, а затем физиологами. Паульсен отмечает презрение, появившееся в отношении спекулятивной философии после подъема наук в 1830-х, которое стало убывать лишь в конце века.¹⁹ Наступление на спекулятивную философию возглавлял физик и физиолог Герман фон Гельмгольц; в 1845 году, будучи студентом в Берлине, он вместе с группой молодых ученых (в которую входили Эмиль Дюбуа-Реймон, Эрнст Брюкке и Карл Людвиг) дал клятву следовать принципу: «Никаких иных сил в организме кроме всеобщих физических и химических».²⁰ К 1860-м ученые почти лишили философию ее академической репутации и претензий на звание «сверх-науки».²¹

¹⁹ Friedrich Paulsen, *The German Universities and University Study*, New York: Longmans Green, 1906.

²⁰ Edwin G. Boring, *Op. cit.*, p. 708.

²¹ G. Stanley Hall, *Founders of Modern Psychology*, New York: Appleton, 1912, p. 138.

Вундт начал свою карьеру как физиолог в 1857 году, во время пика конкуренции за создаваемые новые кафедры физиологии. В течение 17 лет он оставался доцентом, но, не получив в 1871 году кафедру физиологии в Гейдельберге, он перешел в философию.²² В 1874 Вундт перешел на философскую кафедру в университете Цюриха, которая считалась «залом ожидания» перед назначением в лучшие университеты Германии. В это время резонанс от его *Физиологической психологии* позволил ему в 1875 году получить первоклассную кафедру философии в Лейпциге.

До того, как Вундт начал рассматривать философию как свою вторую референтную группу, он занимался тем же, что делали Гельмгольц, Геринг, Франс Дондерс и многие другие физиологи, которые проводили эксперименты над функциями органов чувств и нервной системы и время от времени указывали на то, что их работа превращала философию в избыточный анахронизм. Вундт в свою время был ассистентом у Гельмгольца, лидера анти-философского движения; переход Вундта в философию, несомненно, указывал на происшедший с ним кризис идентичности, который можно было разрешить, только создав новый философский метод.²³ Вундт, используя эмпирические методы Фехнера по изучению чувственного восприятия, предложил строить метафизику на прочном фундаменте, превращая таким образом философию в науку.²⁴ Чтобы сохранить свой статус ученого, ему пришлось не только осуществить революцию в философии, заменяя логические спекуляции эмпирическим исследованием, но также широко афишировать то, что его предприятие отличалось от того, чем занимались традиционные философы.

Брентано, Штумпф, Мюллер и Эббингауз были философами, заинтересовавшимися использованием в своей области эмпирических методов. Несомненно, им было известно об интервенции физиологии в сферу философии; вместо того, чтобы смириться с состоянием распада, в котором находилась философия, они предпочли «перебежать на сторону неприятеля». Известно, что, будучи доцентом, Штумпф встречался с Фехнером и Э. Г. Вебером;²⁵ Мюллер также имел переписку с Фехнером,²⁶ а Эббингауз, видимо, решил вернуться в академический мир после случайного знакомства с *Элементами* Фехнера.²⁷ Брентано, несмотря на то, что он ссылается на Гельмгольца, Фехнера и Вундта в своей первой крупной работе *Психология*

²² Edwin G. Boring, *Op. cit.*, p. 319.

²³ Гельмгольц, видимо, рассматривал это как предательство; согласно некоторым источникам, именно антагонизм, испытываемый Гельмгольцем по отношению к своему старому ассистенту, стал причиной, помешавшей тому получить назначение в Берлин в 1894 г. См. *Ibid.*, p. 389.

²⁴ Hall, *op. cit.*, pp. 323-326.

²⁵ Edwin G. Boring, *Op. cit.*, p.363.

²⁶ *Ibid.*, p. 374.

²⁷ *Ibid.*, p. 387.

с эмпирической точки зрения (1874), испытал значительно меньшее влияние с их стороны, чем остальные философы. Из этой группы основателей он также был в наименьшей степени экспериментатором. Центральной фигурой, несомненно, является Вундт. У него было наибольшее число последователей, и он наиболее четко сформулировал идеологию «философской революции». Остальные основатели, изначально являвшиеся философами, не обладали настолько же однозначной позицией и не имели столько последователей. Тем не менее, они в большой степени были людьми, создавшими гибридные роли, что четко проявляется при их сравнении с Фехнером. Последний также обладал четкой идеей, но ограничился только тем, что написал о ней и сдал ее, как выражается Дерек де Солла Прайс, в «генеральный архив науки». Однако философы, испытавшие влияние Вундта, использовали ее для создания новой ролевой разновидности.

Негативные случаи

Во Франции не было такой инновации, как использование экспериментальных методов в философии. Во французской академической системе существовала сильная конкуренция за должности в естественных науках; физиологи были в довольно сложном положении, поскольку к концу девятнадцатого имели менее одной кафедры на университет (таблица 6). Немногим лучше дела обстояли со свободными должностями в области философии. Эта ситуация в корне отличалась от ситуации в Германии, где на протяжении нескольких десятилетий область физиологии была переполнена специалистами, тогда как во Франции физиология все еще распространялась по университетам.

Таблица 4. Количество академических должностей по философии и физиологии во французской университетской системе, 1864-1938 гг.

Год	Философия		Физиология		Число университетов ^а
	Занимаемые кресла	Всего	Занимаемые кресла	Всего	
1892	17	27	10	17	15
1900	20	28	12	20	15
1910	22	30	14	27	15
1923	22	*	17	*	16

^а Включая Коллеж де Франс.

* Данные по должностям ниже уровня профессора, имеющего докторскую степень (Full Professor), за 1923 год недоступны.

Источник: *Minerva, Jahrbuch der Gelehrten Welt*, 2 (1892), 10 (1900), 20 (1910), 27 (1923).

Кроме того, во Франции существовала центральная интеллектуальная элита, чей статус определялся расплывчатым критерием превосходства (*excellence*), а не постоянными назначениями и достижениями в отдельных областях.²⁸ Линии демаркации между дисциплинами были слишком аморфными, чтобы значить что-либо для такого человека, как Бине, который мог позволить себе увлекаться юриспруденцией, энтомологией, психиатрией, экспериментальной психологией и образовательным тестированием. Он мог рассчитывать на то, что для удовлетворения его личных потребностей будут созданы соответствующие условия, и что его достижения будут признаны без необходимости их обоснования в терминах какой-либо отдельной академической дисциплины.

Существующие должности давали возможность их обладателям заниматься широким кругом деятельности; например, антрополог Люсьен Леви-Брюль возглавлял кафедру философии; социолог Эмиль Дюркгейм возглавлял кафедру образования, а многие кафедры по экспериментальной психологии могли быть переданы таким людям, как Пьер Жане и Шарль Блондель, которые были главным образом психиатрами. Коллеж де Франс, самый престижный институт Франции, поощрял уникальные индивидуальные достижения, но не предоставлял достаточно возможностей для работы специалистов в уже существующих областях, а также не допускал обучения «последователей», так как все должности предполагали исследовательскую, а не преподавательскую деятельность. Рибо, распространив во Франции немецкую психологию, мог получить кафедру экспериментальной психологии в Коллеж де Франс, учрежденную специально для него, но подобное признание его как отдельного исследователя, видимо, не позволяло ему основать собственную школу и найти последователей. Показателем тенденции к чисто индивидуальному признанию может служить тот факт, что Анри Пьерон мог получить основанную специально для него кафедру в Коллеж де Франс (по физиологии чувственного восприятия) только потому, что профессор археологии умер, не оставив подходящего последователя.²⁹

В отличие от немецкой университетской системы во Франции дисциплины были не достаточно дифференцированы для того, чтобы создать серьезные конфликты ролей среди людей, обладающих идеями. Элита состояла из единственной группы интеллектуалов, лишенных явно выраженной специализации, а также «философов» в духе восемнадцатого века, тогда как престиж приписывался отдельному человеку, а не дисциплине. Короче говоря, французская система ориентировалась на

²⁸ Joseph Ben-David and Awraham Zloczower, «Universities and Academic Systems in Modern Societies,» *European Journal of Sociology*, 3 (1962), pp. 45-85.

²⁹ Henri Pieron, «Autobiography,» in Carl Murchison (ed.), *A History of Psychology in Autobiography*, vol. IV, Worcester, Mass.: Clark University Press, 1952.

интеллектуальные инновации, вносимые отдельными личностями, и не предоставляла условий для существования движений, стремящихся создать новую дисциплину.

Условия, препятствующие развитию конфликта научных групп во Франции, присутствовали в большем масштабе в Великобритании. Число кафедр философии и физиологии в Великобритании было примерно равным числу этих кафедр во Франции (таблица 7). Как тех, так и других было примерно по одной на университет, с небольшим преимуществом со стороны философии, но с одновременным распространением кафедр физиологии. Здесь необходимость получения академической должности была еще меньшей, чем во Франции. Если во Франции человеку, в конечном счете, приходилось получать официальную должность, то в Великобритании и это было необязательным.

Таблица 4. Количество академических должностей по философии и физиологии в британской университетской системе, 1864-1938 гг.

Год	Философия		Физиология		Число университетов
	Занимаемые кресла	Всего	Занимаемые кресла	Всего	
1892	13	15	9	20	10
1900	16	20	12	21	11
1910	19	38	14	29	16
1923	22	*	16	*	16

* Данные по должностям ниже уровня профессора, имеющего докторскую степень (Full Professor), за 1923 год недоступны.

Источник: *Minerva, Jahrbuch der Gelehrten Welt*, 2 (1892), 10 (1900), 20 (1910), 27 (1923).

До 1832 года во всей Англии было лишь два университета и еще четыре в Шотландии, причем все они являлись не чем иным как местом, где интеллектуалы из высших классов проводили время. До конца века было основано еще четыре провинциальных университета, а в первое десятилетие двадцатого века к ним прибавилось еще полдюжины. Столкнувшись с угрозой остаться позади технологически ориентированных университетов для «низшего класса», Оксфорд и Кембридж стали принимать новые науки с целью восстановить свое как интеллектуальное, так и социальное превосходство.³⁰

³⁰ Walter H. B. Armytage, *Civic Universities*, London: Ernest Benn, 1955, pp. 178, 206.

К концу девятнадцатого века этот процесс все еще не закончился; поэтому центр философии и физиологии находился далеко не в британских университетах.³¹ Физиологам, стремившимся получить доступ в консервативные британские твердыни, преподаваемая в них академическая философия, должно быть, казалась устаревшей и незаслуженно привилегированной областью. Но фактора мобильности не существовало, поскольку все еще можно было добиться престижного положения в философии или физиологии вне стен университета. Такая внеуниверситетская традиция была отдушиной, снимавшей напряжение, которое могло бы привести к основанию новой психологии.

В Соединенных Штатах экспериментальной психологии также не удалось зародиться; однако в 1880 гт. здесь возникло масштабное и успешное движение последователей немецкой психологии, которое за одно или два десятилетия до этого появилось (только в меньшем масштабе) во Франции и Британии. До этого периода в США существовало значительное число небольших колледжей.³² В этих колледжах психология была ветвью философии, которая продолжала шотландскую философскую традицию восемнадцатого века и имела сильную религиозную окраску. Философию преподавали президенты колледжей, 90 процентов которых были священниками.³³ В Соединенных Штатах философия занимала такую же доминирующую позицию, как и в Германии в начале века, но во всех остальных отношениях колледжи были похожи на философские факультеты в Германии до реформы фон Гумбольта 1810 года (представлявшие собой низшее подразделение университета). Обучение состояло из заучивания, зарплаты преподавателей были низкими, а также не существовало условий для исследовательской деятельности. Преподавательская должность была не больше, чем возможность для нуждающихся священников получить дополнительный заработок.³⁴ В этих условиях не могло существовать движений, направленных на основание новой дисциплины, так как не было должностей, за которые нужно было конкурировать, институты были слишком малы, чтобы в них была возможна специализация, а исследовательская деятельность вообще не являлась функцией академического сообщества. Настоящее движение в экспериментальной

³¹ Например, ни Герберт Спенсер, ни Дж. Ст. Милль не занимали академических должностей. Физиологические исследования по большей части проводились специалистами в области медицины в независимых клиниках. См. Abraham Flexner, *Medical Education: A Comparative Study*, New York: Macmillan, 1925.

³² В 1861 году существовало 182 колледжа, каждый из которых в среднем состоял из шести преподавателей. См. Richard Hofstadter and Wolfgang Metzger, *The Development of Academic Freedom in the United States*, New York: Columbia University Press, 1955, pp. 211, 233.

³³ Здесь имеется в виду «психология способностей» Томаса Рейда, Дугалда Стюарта и Томаса Брауна; относительно роли президентов колледжей см. Hofstadter and Metzger, *op. cit.*, p. 297.

³⁴ Bernard Berelson, *Graduate Education in the United States*, New York: McGraw-Hill, 1960, p. 14.

психологии, несомненно, производное от подобных движений в Германии, возникло в Соединенных Штатах только после основания первой аспирантуры в 1876 году.

Резюме

Инновация экспериментальной психологии была обусловлена механизмом гибридизации ролей. Она имела место только в Германии, не считая независимо организованных исследовательских традиций в Великобритании и Франции, включенных в движение по экспериментальной психологии существенно позже. Для этого было необходимо наличие трех факторов: (а) философы и физиологи должны были исполнять академическую, а не любительскую роль; (b) философии необходимо было предоставлять лучшие условия конкуренции по сравнению с физиологией, чтобы спровоцировать переход специалистов и методов из физиологии в философию; (с) философия должна была обладать более низким академическим статусом, чем физиология, что принудило бы физиологов поддерживать свое научное положение через применение эмпирических методов физиологии на материале философии.

В Германии были представлены все три фактора. Во Франции имел место только первый фактор. Все ученые, работающие в данной области, в конечном счете, получили желаемые должности, но их карьера зачастую начиналась за пределами корпуса академических дисциплин, и их официальный академический статус не являлся общепринятым. Второй фактор был представлен во Франции в незначительной степени, а третий вообще отсутствовал, поскольку авторитет приписывался отдельным индивидам, а не дисциплинам. Если последние два фактора были представлены в Великобритании примерно так же, как и во Франции, то первый фактор присутствовал здесь еще в меньшей степени, чем во Франции, поскольку британские философы и физиологи в подавляющем большинстве были любителями, а не специалистами. В Соединенных Штатах до 1880 года отсутствовали даже основы академической системы, в которой могли бы существовать три упомянутых фактора.

Вследствие всего вышеизложенного экспериментальная психология зародилась именно в Германии. Причина, по которой Франция, в отличие от Соединенных Штатов и Великобритании, не смогла позже присоединиться к общему потоку развивающейся экспериментальной психологии, пока остается неисследованным.

